

ИДУ ПО ЗНАКОМОМУ ТАРТУ

...С того самого дня, как я вернулся в Тарту после войны, я живу в одной и той же части города. Оттуда почти каждый день иду в театр. В 44-м году дорога пробиралась между развалин: Тарту был более чем на три четверти разрушен. Были разрушены многие архитектурные памятники. И — непонятное чудо — остались целыми все основные здания университета. Но время шло. Дорога менялась. Она уже вела мимо заросших пустырей, которые с годами застраивались по типовым проектам первых послевоенных лет. Мы работали в здании, которое сейчас называем малым, оно тоже здорово пострадало в войну, и мы сами его восстанавливали. И где-то в архивах «Ванемуине» лежит почетная грамота, выданная нам как лучшему коллективу восстановителей. Проходя мимо Тартуского дома бракосочетания, вспоминаю, что и этот дом мы восстанавливали тогда для своих мастеровских. И Линда Тани, наша оперная примадонна, великолепно выкладывала кирпичи.

Моя дорога идет и мимо гостиницы «Парк», которую знает большинство тех московских и ленинградских критиков, которые, бывая в Тарту, не только открывали для себя наш театр, но открывали и наши собственные глаза на него — ведь со стороны виднее. Помню, первым в этой протянувшейся сквозь годы череде друзей стал патриарх детского театра А. А. Брянцев, с ним — поэт Илья Сельвинский.

А в 1955-м от театра в этой гостинице ходили после спектаклей Б. Хайкин, П. Марков, В. Бурмейстер, А. Баратов — консультанты эстонской декады. Они поняли художественные возможности, которые кроются в театре, где под одной крышей соединились драма, опера, балет, поддерживали нас, оценили наш творческий потенциал. Их поддержка и понимание сыграли принципиальную роль в судьбе «Ванемуине». Только благодаря этим уважаемым консультантам стали возможны наши первые гастроли в Моск-

ве. После них театр получил орден Трудового Красного Знамени. Позже по этой же самой дороге ходили драматурги А. Арбузов и А. Штейн, ставшие нашими авторами.

Теперь у «Ванемуине» много друзей. Не только в нашей стране, но и за ее пределами. Я очень дорожу этой дружбой. За мою жизнь были две мировые войны. В первую территорию Эстонии оккупировали солдаты кайзера, во вторую — немецкие фашисты. И я не хотел бы, чтобы на долю моих детей и моих внуков выпало подобное. Вот почему мне так важно продолжающееся уже свыше десяти лет сотрудничество с театром города Потсдама, который носит имя Ганса Отто, великодушного актера, коммуниста, зверски убитого фашистами. Работники театров демократической Германии — мои союзники.

В 1967 году театр переселился в новое здание, и рядом со старой протопталась для меня другая дорога, более красивая, вдоль поросшего деревьями зеленого крепостного рва, мимо горы Тоомемяги, на которой, по преданию, вскоре после сотворения мира сидел Ванемуине, бог пения, и раздавал всему живому песни и языки. Теперь на этом месте стоит огромная библиотека, старинная знаменитая библиотека Тартуского университета. Символично, что она встала именно тут.

Обычно я хожу по этой дороге и вспоминаю тех, кто ходил тут прежде: Эпп Найду, Удо Вяляэста, Ильмар Таммур — первое поколение режиссеров, которые выросли в «Ванемуине» в послевоенные десятилетия. Думаю о молодых. Теперь у нас есть второе режиссерское поколение — Юло Виллема, Эвальд Хермакула, Яан Тооминг. Все они осуществили свою первую постановку в театре «Ванемуине», и ни один не имеет режиссерского диплома. Но дело не в дипломе и не в его отсутствии. Дело в том таинственном, что называется талантом.

Народная мудрость учит: богат тот, у кого много детей. Для руководителя театра много детей — это много молодежи в театре. В «Ванемуине» много молодых. Считают, что есть и интересная молодая режиссура. Можно быть довольным. Но почему я должен быть доволен ими больше, чем самим собой? А собой я недоволен. До сих пор не считал сколько спектаклей поставил. Но знаю, что среди множества моих постановок мало таких, которыми я удовлетворен вполне...

Зритель принимает какое-то новое лицо в театре с радостью. Молодому (и актеру, и режиссеру) прощают все. Потом наступает день, когда он уже не очень молодой. Но и не мастер. Почему же он им не стал? Тут целая проблема. Но все стремятся быть первооткрывателями. А когда выясняется, что молодой режиссер остановился на полпути, его легко забывают и ищут другого. А искусство — как

цепочка. А когда я читаю стенограммы репетиций Станиславского, Немеровича, Данченко, Брехта, то вижу, что они-то начинали работу не с концепции, а шли прежде всего от жизни. И если задуматься, все действительно великое в мировой художественной культуре опиралось на жизнь, на знание жизни. Это единственная вечная опора большого искусства.

Несомненно, у пожилого человека знаний жизни боль-

Каарел ИРД,
народный артист СССР

альпинизм: опытные, талантливые не погибают на малых высотах, они погибают на последних метрах, на подступах к вершине. Но для того чтобы добраться до настоящей вершины, нужна не только собственная воля и собственная сила, нужна и твердость тех, кто помогает тебе, кто рядом.

Оглядываясь на пройденный путь, полный конфликтов, срывов и неудач, я с высочайшей благодарностью вспоминаю тех, кто поддерживал меня в трудную минуту. Были ситуации, в которых на моей стороне оказывался только один человек. Не скрою, что хоть в какой-то мере я старался быть тем «одним человеком» для моих молодых коллег — Эвальда Хермакулы, Яана Тооминга, для Калью Комиссарова, который из-за своего не очень складного характера породил много недовольных, а это хуже, чем открытые враги.

Я рад, что своими работами за последние годы эти режиссеры оправдали мои надежды.

И еще одна мысль меня волнует: не очень ли много мы стали говорить о режиссерских концепциях? Я имею в виду не критиков, они должны говорить о концепции. Меня пугает другое — вслед за ними и какая-то часть режиссеров на репетициях говорит только о собственной режиссерской кон-

цепции. А когда я читаю стенограммы репетиций Станиславского, Немеровича, Данченко, Брехта, то вижу, что они-то начинали работу не с концепции, а шли прежде всего от жизни. И если задуматься, все действительно великое в мировой художественной культуре опиралось на жизнь, на знание жизни. Это единственная вечная опора большого искусства.

Несомненно, у пожилого человека знаний жизни больше, чем у молодого. Но и не мастер. Почему же он им не стал? Тут целая проблема. Но все стремятся быть первооткрывателями. А когда выясняется, что молодой режиссер остановился на полпути, его легко забывают и ищут другого. А искусство — как цепочка.

Иду и думаю, что новому зданию театра необходима пристройка. Когда-то я собственной рукой сокращал проект, чтобы влезть в смету. И вот теперь в нашем балетном классе нельзя поднять балерину: она стукнется о потолок. В актерских гримбулках, где должно быть двое — у нас четверо, где четверо — у нас девять-десять. Я думаю о том, что в театре нет студии, в которой бы занимались мастерством двадцатилетние артисты балета. Думаю, как добиться, чтобы в Тарту организовать филиал Таллинского хореографического училища. Или еще лучше (по примеру Литвы) — техникум, выпускающий специалистов для разных областей художественного творчества.

Вспоминаю, что именно в Тарту начала развиваться эстонская симфоническая музыка. При обществе «Ванемуине» был создан первый симфонический оркестр. Летом он давал концерты на открытом воздухе. Теперь этого нет — негде играть. И Певческое поле в Тарту самое унылое во всей Эстонии. Его единственное «достойство» — легко было строить из готовых панелей, просто подняли их кранами друг на друга. Конечно, все это можно поправить. Но неоправимо то, что сделали (уже навеки) с великодушным естественным амфитеатром у Тоомемяги. Там мы когда-то давали свои летние спектакли и мечтали построить настоящий театр на открытом воздухе. Сама природа позаботилась тут об акустике, никаких усилителей не надо. Наш лучший парковый архитектор согласился работать над проектом. Но городские власти поспешили разрушить эти уникальные склоны... чтобы можно было косить их машиной. Так просто закончился «бой», длившийся пятнадцать лет...

Тарту — необычный город. Города, которые рождаются теперь, как правило, развиваются вместе с промышленностью, они являются как бы коммунальным отделом большого завода. В Тарту самый большой завод — университет, завод кадров для всей респуб-

лики. Как и наша сельскохозяйственная академия.

«Ванемуине» стал первым орденоносным учреждением города. Стал академическим. И все же завод — это план, прибыль, доход, все ясно, все в цифрах. Нашу же продукцию — мысль, эмоции — то, что публика уносит из театра, мы еще не научились измерять математически. И потому иногда так трудно бывает отстаивать свое право на внимание.

Годы — серьезная вещь. Вот и писать я начал от страха. Боялся, как бы со мной не случилось того, что нередко случается с людьми после пятидесяти: они неожиданно выдыхаются. Но ведь есть старики, которые до конца сохраняют в полном блеске свой дар. Почему? Помню, как поразил меня разговор с одним ученым в Москве. Вышел первый том его исследования. А он рассуждает о втором, третьем. Я слушал и думал: «Ему же 70 лет! Что он, собирается жить вечно?» Мысль работает, направлена в будущее, ищет ответов. А я чувствую, начинаю выдыхаться. Сижу в Тарту почти один — друзья все в Таллине. Они — Ю. Смуул, А. Санг — советуют: «Пиши, почему ты не пишешь?» И я стал писать. Писание превратилось в хобби вместо рыбалки. Оказалось, это превосходный способ работать над собой, сохранять форму. Пишешь — надо додумать, вспомнить. Заново берешь книгу, перечитываешь. На репетициях невольно приходишь к многому упрощению: стараешься прежде всего быть понятным всеми. Режиссер — как хороший воспитатель в детском саду — тот ведь всегда на четвереньках. А пишешь с иным отношением: кто-то не поймет, ну что делать...

Подходя к театру, я вижу, как строится новая университетская библиотека. Она расположена на том же холме, что и мы. И ее соседство непременно станет влиять на театр. Потому что в этом огромном хранилище книг сосредоточится не только все самое умное, но и все гуманное, сама совесть человечества, то, на что мы должны опираться в борьбе за совершенствование своих современников.